

ОрО(-20рв)
Д 69

В.В. ДОРОФЕЕВ

НАД Уралом Уралом

В.В. Дорофеев

СДД(-20рб)

Δ 69

СРД(-20рб)

63.3(2Рос-4(Оре-20,ре)

ор 63.3

НАД ЯИКОМ-УРАЛОМ

2-е издание,

дополненное и переработанное

а-307545

там

Оренбург-2008

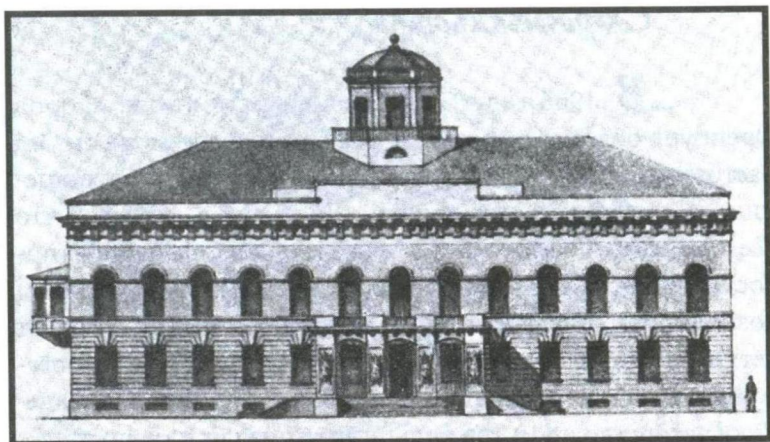
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ.Н.К.КРУПСКОГО"

Строительство

В 1906 году П.Н. Столпянский писал: «Город Оренбург обязан Перовскому построением чуть ли не 3/4 настоящих зданий». Это справедливо и сейчас по отношению к историческому городу. Достаточно сказать, что все памятники архитектуры федерального значения – гордость оренбуржцев – построены в его управление, причем возводились они почти одновременно. Очищая город от ветхих частных построек, он не менее решительно поступал и с казенными зданиями, что было сложнее. К сожалению, авторство проектов большинства из построенных зданий пока не известно или лишь предположительно.

Подробное описание и анализ всех построек второй половины 30-х – начала 40-х годов, которые объединяют и время и в подавляющем большинстве стиль позднего классицизма, могли бы стать предметом отдельного специального исследования. Здесь же представляется возможным немного остановиться только на отдельных зданиях и лишь назвать несколько других, а начать можно с высокого берега над Яиком-Уралом.

На месте большей части комплекса старой губернской канцелярии в 1840 году выросло новое здание – дом военного губернатора. Вопрос о его строительстве или перестройке старого здания возник еще задолго до управления Перовского. В свое время здание бывшей губернской канцелярии, принадлежавшее гражданскому ведомству, было занято Эссенем под квартиру военного губернатора. Дом, однако, требовал не только ремонта, но и расширения, став квартирой. Уже в 1827 году был составлен проект перестройки здания с незначительным увеличением внутренней площади за счет балкона. За ним последовал проект губернского архитектора Алфеева, по которому старое здание преобразилось. И, наконец, в 1832 году совершенно новый проект архитектора 14-го класса Гопиуса, который с декабря

Главный фасад дома военного губернатора на набережной

1831 года числился архитектором Уральского войска и занял одно из двух мест, на которые П.П. Сухтелен просил президента Академии художеств А.Н. Оленина прислать специалистов; на второе – губернского архитектора – желающих не нашлось, так как оклад был всего лишь 800 рублей в год.

Гопиус не был начинающим, до этого он более восьми лет служил «на придворной конюшне по чертежной части при архитекторе Шустове», окончил Академию художеств в звании художника архитектуры¹. Осенью 1832 года была утверждена смета, но строить не стали, очевидно, по причине смены начальства. При Перовском проект был несколько переработан и утвержден им в 1836 году; к постройке же приступили, может быть, только весной 1839 года, потому что царем он был рассмотрен 5 мая этого года.

Губернаторский дом дошел до нас в сильно измененном виде, это дом по Советской, 2. Первоначально здание было симметричным в плане, как и полагалось по нормам классицизма, без большого крыла с западной стороны, оно было такой же величины, как и восточное. Оно строилось

¹ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 10190.

двухэтажным с большим чердачным помещением, называвшимся тогда антресольным этажом, которое не имело окон на главном и боковых фасадах, только несколько маленьких окон со двора. Теперь бросается в глаза, что окна, пробитые на улицу в чердачном помещении, разрезают фриз дорического ордера, совершенно не вписываясь в его ритмику, поскольку она, в свою очередь, не совпадала с ритмикой оконных проемов здания. Наверху, посередине главного фасада, располагался бельведер, откуда открывался отличный вид на Бухарскую сторону, как тогда называли левобережье. На углу, выходя на главную улицу на уровне бельэтажа (второго этажа с высокими потолками, где были и помещения для приемов), выступал маленький эркер – застекленный крытый балкон. На набережную выходил портик с балконом, причем пандусы позволяли подъезжать в карете прямо к парадной двери. Эркер, расположенный асимметрично, являлся отступлением от канонов классицизма, как, видимо, пожелал будущий хозяин. В проекте 1832 года этого элемента нет, а есть два легких балкона на обоих боковых фасадах. Хороша была и отделка интерьеров, она частично утрачена, так же как и лестничное ограждение, выполненное по рисункам петербургских художников. Одновременно с основным зданием возводились и подсобные постройки и перестраивался дом, оставшийся от комплекса канцелярии, который удлинился на север, получил мезонин и вместо шести стал иметь пять окон на набережную.

Ниже по Николаевской вместо одноэтажного построили двухэтажный дом обер-коменданта города, он тоже не сохранил своего первоначального вида (Советская, 5). Балкон очень широкий, но с малым выносом, имел металлическое ограждение; он очень типичен для своего времени. Здание ордонансгауза, тогда одноэтажное (Советская, 3), тоже, возможно, строилось в это же время, если не было возведено в конце 20-х годов.

Застраивалась часть Александровской площади. Если не считать пространства, занимаемого улицами, то под заст-

ройку ушла половина площади. Здесь ставили дом «для инженерного и генерального штаб-управления» и при нем помещения для соответствующих служб, так что образовался небольшой квартал, занимаемый сейчас школой № 30. Строительство завершилось уже после отъезда Перовского, и новый военный губернатор, генерал В.А. Обручев, уничтоживший многие начинания предшественника, поместил в новом доме азиатское отделение Неплюевского училища, или второй эскадрон, как оно стало называться. В переводе сюда эскадрона ничего плохого не было, но Обручев устроил здесь еще и главную гауптвахту, отведя под нее всю южную половину цокольного этажа и испортив внешний вид здания асимметричной дверью для входа в нее. Объемно-пространственное решение здания во многом напоминает решение губернаторского дома, нельзя исключить и возможность авторства Гопиуса. Первоначально постройка не имела больших боковых крыльев, а только сильно выступающие ризалиты. Четырехколонный портик с балконом тоже имел по сторонам пандусы. Здесь в здание вели три двери, из них осталась сейчас средняя, две других заложены при перестройке. В другом квартале построили манеж и одноэтажное каменное здание теплярской школы, недавно снесенное в связи с необходимостью расширения театра, в конструкцию которого вошли и стены манежа.

Здание Краеведческого музея тоже возведено в эти годы как частное владение винного откупщика Еникуцева на месте старых винных подвалов. Часть из них составляет подвальный этаж этого здания. Щебень от сносившихся строений и части подвальных сводов Еникуцев пожертвовал городу, и по указанию Перовского им засыпали базарную площадь, проведя там заодно и водостоки, произошло это в 1835 году. В 1852 году здание вместе с двумя флигелями во дворе было приобретено в казну для канцелярии генерал-губернатора. Произвели некоторую доделку интерьеров и очень незначительную перестройку. Первоначальный облик здания установить не удалось, по описанию оно имело

три выхода на главную улицу, два из них в боковых ризалитах. Архитектура здания очень типична для позднего классицизма, автором проекта может быть тот же Г. Гопиус. Постройка отличается парадностью не только главного, но и торцевых фасадов.

Несколько подробнее нужно сказать о доме Благородного собрания, который построили на месте разваливавшегося народного училища, снесенного в 1835 году. Для последнего же приобрели частный дом на углу Николаевской и Водяной, сейчас он относится к медакадемии.

К сожалению, до сих пор не удалось установить, кто является автором проекта. Считали, что здание спроектировано архитектором А.П. Брюлловым, братом выдающегося русского художника Карла Брюллова, но в последние годы возникли сомнения, так как в его архивах не найдено документов, подтверждающих это. Авторство приписывается также архитектору Тону, который в 1830-е годы был уже профессором Академии художеств и проектировал преимущественно церковные постройки. По свидетельству же современников, в частности генерала Бларамберга, который начал служить в Оренбурге в год окончания строительства этого здания, автор проекта – Александр Павлович Брюллов.

Говоря об этом здании, прежде всего, нужно отметить, что оно стояло свободно и соответственно воспринималось иначе, чем теперь, когда оно буквально зажато другими постройками. С юга был одноэтажный дом, находившийся, по-видимому, несколько дальше, чем построенный в 1880-е годы и дошедший до нас двухэтажный кирпичный. С северной стороны на довольно значительном расстоянии стоял двухэтажный дом военного ведомства, который к тому же не доходил до красной линии главной улицы почти на двенадцать метров. Поэтому северная сторона Благородного, или Дворянского собрания, как его тоже называли, от упоминавшегося уже бассейна на пересечении Николаевской и Неплюевской улиц просматривалась почти на две

трети. Таким образом, здание значительно выделялось на фоне остальной застройки и производило сильное впечатление. В наше время не так просто представить себе это, потому что изменились не только среда, но и пропорции постройки. Со стороны Советской улицы дом теперь ниже на полметра, если не больше, в результате неоднократного подъема проезжей части и тротуара, и облицованный камнем цоколь совсем уже скрылся за слоем асфальта. Подъем так называемого «культурного слоя» вообще необходимо всегда учитывать при оценке пропорций старинных построек.

Бывшее здание Благородного собрания имеет два больших зала и целый ряд более мелких помещений. Главный фасад решен в виде двух сильно выступающих ризалитов, соединенных террасой на цокольном этаже. Окна главного зала уходят, таким образом, куда-то в глубь здания, создавая атмосферу отдаленности от улицы, отрешенности от повседневных забот. Это подчеркивало сословную обособленность высших слоев от остального народа, их высокое положение. Дворовой фасад, или скорее садовый, тоже решен в виде двух ризалитов, но в отличие от главного фасада, между ними выступает полукруглый объем гостиной с крыльцом и огибающей его с двух сторон лестницей, что сразу объединяет внутреннее и внешнее пространство, здание как бы раскрывается. В обработке фасада применен дорический ордер. Внутренняя отделка, отличавшаяся большим изяществом, сохранилась лишь частично.

Главный фасад в качестве ограждения крыши украшала балюстрада, утраченная позже. Но не только отсутствие балюстрады нарушает первоначальный облик этого памятника архитектуры. В первые десятилетия, как свидетельствуют планы, не было пристроя с северной стороны, там, где сейчас вход. Он появился, вероятнее всего, в 1870-е годы, и строился каким-то доморожденным умельцем, а не архитектором, так как элементы декора не соответствуют ни пропорциям аналогичных деталей на здании, ни архитектурным нормам вообще.

Торжественное открытие Благородного собрания состоялось 2 декабря 1841 года. Вот как кратко описывает его в своих мемуарах Бларамберг, который был участником этого события: «Организовали запись, по которой каждый член общества согласно своему состоянию должен был внести средства, и в течение недели было собрано 10 тыс. рублей ассигнациями – сумма для Оренбурга того времени значительная. Поистине блестящий бал состоялся 2 декабря в залах Дворянского собрания; такого бала оренбуржцы еще никогда не устраивали. Блестящие мундиры, богатые туалеты, музыка, обслуживание и ужин были не хуже, чем в Петербурге, и генерал-адъютант Перовский, за здоровье которого было выпито много шампанского, был очень тронут привязанностью своих подчиненных и почитателей, а также восхищен любезностью множества женщин и девушек, среди которых было много красавиц». Таким образом, цвет тогдашнего оренбургского общества отпраздновал, выражаясь по-современному, ввод в эксплуатацию этого дома.

Самой значительной стройкой того времени был комплекс Караван-Сарая. Это было первым строительством такого размаха вне стен крепости. Караван-Сарай строился как место для пристанища башкир, для укрепления связи с ними, для налаживания более тесного контакта, но делалось это не только ради башкир, а в гораздо более широких целях.

В те годы правительство стремилось привлечь на сторону России народы Средней Азии, исповедовавшие ислам. В большой степени это стимулировалось необходимостью противостоять проiscaм Великобритании в этом районе. Одной из мер привлечения среднеазиатских народов было проявление заботы о своих подданных – мусульманах.

Башкирия тогда была связана с Оренбургом в военно-административном отношении, имелось башкиро-мещеряцкое войско, и башкирам часто приходилось приезжать по делам в Оренбург. В. А. Перовский, хорошо понимав-

ший важность налаживания максимально хороших отношений с ними, решил, что в Оренбурге необходимо иметь для них хорошее пристанище, которое одновременно служило бы усилению хозяйственно-экономических и культурных связей с Башкирией. Получив одобрение вышестоящих инстанций, военный губернатор обратился в апреле 1836 года к кантональным начальникам (Башкирия делилась на кантоны). Он писал, что намерен «приступить к построению общественного постоянного двора, или караван-сарая, в котором могли бы останавливаться со всеми удобствами каждый башкир и мещеряк без всякой платы». Строительство должно было вестись на деньги башкиро-мещеряцкого войска, но собирались и пожертвования.

В своей работе «Караван-Сарай в Оренбурге» архитектор Б.Г. Калимуллин, касаясь проекта комплекса, пишет, что он был одновременно поручен двум авторам: «строителю Казанского университета М. Коринфскому и выдающемуся петербургскому архитектору А. Брюллову», проект первого был отвергнут из-за ряда недостатков. То есть фактически состоялся конкурс. Это указание вызывает сомнение, такому заключению противоречат содержание и датировка писем В.А. Перовского А.П. Брюллову, с которым военный губернатор был в большой дружбе.

Первое письмо написано 6 октября 1836 года, то есть почти через полгода после обращения к начальникам кантонов. В.А. Перовский не стал бы медлить с заказом. Очевидно, заказ был сделан сначала М. Коринфскому, а уже после рассмотрения его проекта – Брюллову. Кроме того, если бы заказ был сделан сразу обоим архитекторам, губернатор упомянул бы об этом в письме, а в нем ничего похожего нет. Вот его текст: «Любезнейший Александр! Вспомни старую дружбу нашу и займись, пожалуйста, без отлагательства составлением проекта по предлагаемой программе. Я затеял строить здесь караван-сарай; это дело меня весьма интересует. Хочется начать с наступлением весны; ради Бога, не мешкай. Я уверен твердо в твоём зна-

нии и вкусе, но крепко сомневаюсь в прилежании: ты мне обещал много, да сдержал мало. Не в поощрение тебе, а просто к сведению, скажу тебе, что постройка караван-сарая есть затея не моя частная, а казенная, а потому труды по составлению сметы, перечерчению планов и проч. будут вознаграждены по-надлежащему. Задача довольно трудная, быть может, по ограниченности места, но если бы сажени слишком стесняли твоё зодческое воображение, то делай, как знаешь, а я постараюсь приискать место по твоему плану. Обнимаю тебя. Можешь ли ты приготовить дело в шесть недель после получения этого письма? Ты бы меня обязал чрезвычайно. Душевно тебе преданный Василий Перовский». В комментариях этот текст не нуждается.

Через месяц Александр Брюллов получил другое письмо, датированное 3 ноября 1836 года, где Перовский пишет, что с тех пор как он послал первое письмо с просьбой и программой «на построение в Оренбурге башкирской военной канцелярии и проч.», он несколько изменил условия: «...я подумал, — пишет губернатор, — что было бы бессовестно стеснять твой талант в подобном предприятии, назначая ему число сажен, на которых он имеет право развернуться. Я решил этот дом строить за городом; места — сколько душе угодно; одного только не теряй из виду: мечеть должна быть по означенному на плане направлению. Материалы здесь дешевы, но чрезвычайно дороги рабочие и особенно мастера; в этом отношении прошу тебя соблюсти возможную экономию. Если б ты потрудился дело устроить так, чтобы в бытность мою в Петербурге мог я представить план государю в начале января, то я бы тебя от всей души поцеловал точно так, как теперь обнимаю. В. Перовский».

Из этих писем ясно видно, что сначала собирались строить караван-сарай внутри крепости, что, естественно, должно было значительно ограничить площадь. А. П. Брюллов выполнил просьбу друга, и 19 января 1837 года проект был утвержден.

В конце мая 1837 года В. А. Перовский передал материалы на постройку караван-сарая старшему корпусному инженеру в Оренбурге. Время между январем и маем ушло, вероятно, на доработку деталей проекта и т. п. Военный губернатор писал: «...постройку эту поручить в искусственном и хозяйственном отношении инженер-поручику Сенькову. При надзоре... за правильностью, прочностью и чистотою в отделке будет находиться Уральского войска архитектор 14-го класса Гопиус». Как видно из последней фразы, Гопиус был больше в Оренбурге, чем в Уральске. Работал он, впрочем, добросовестно и хорошо, уже в 1832 году войсковая канцелярия представляла его к награде. К этому ходатайству на следующий год присоединился Перовский. В 1835 году Гопиус был награжден орденом Станислава 4-й степени и в 1837 году произведен в 12-й класс. Работы начались, очевидно, летом этого же года. К ним, как пишет Б. Г. Калимуллин в упомянутой работе, для изготовления строительных материалов и их транспортировки, а также к разным подсобным работам привлекались главным образом башкиры и мещеряки, «в сооружении же зданий и их оформлении участвовали строители и других национальностей, в первую очередь русские мастера».

К началу 1842 года внешне комплекс выглядел завершенным. Часть помещений основного корпуса была готова еще раньше, так как в декабре 1841 года на втором этаже уже разместилась канцелярия командующего башкиро-мещеряцким войском. Тогда Караван-Сарай производил несколько иное эмоциональное воздействие, потому что и окружение и масштабность были иными, по отношению к окружающей местности комплекс был выше, чем сейчас. Интересен выбор места. Хотя город был еще крепостью и вопрос об ее упразднении не стоял, Караван-Сарай явно поставлен в расчете на то, что рано или поздно крепости не будет, город расширится и минарет мечети будет выполнять определенную градообразующую роль: он поставлен точно в створе Введенской улицы. В

этом легко убедиться, посмотрев сейчас, особенно после опадания листвы, вдоль улицы 9-го Января. Видимо, решая вопрос о месте комплекса, строители считали, что потомки выведут улицу прямо на Караван-Сарай; но так, к сожалению, не случилось.

В августе 1846 года состоялось торжественное открытие Караван-Сарая. По существу-то открывали мечеть, которая вместе с минаретом является центром композиции; отделка ее, вероятно, и заняла все то время, ведь мастеров было очень мало.

О достоинствах и особенностях Караван-Сарая хорошо и подробно рассказал в своей работе архитектор Барый Гибаатович Калимуллин. Он выделяет как самое главное и наиболее ценное ансамблевое качество «соразмерность отдельных частей комплекса, стройность общего силуэта, согласованность всей композиции». По формам здания сильно отличаются, но они соподчинены и дополняют друг друга. Хорошо сказано о развитии композиции в высоту: «С низких, горизонтально протяженных стен хозяйственных пристроен, взгляд переходит к стенам основного здания, и угловым башенкам над крышей, следует выше к куполу мечети, затем поднимается к минарету, его конусному завершению, шпилю и, наконец, уходит в необъятный простор неба».

Анализируя архитектурный образ Караван-Сарая, Б.Г. Калимуллин приходит к заключению, что в нем отражена схема летнего башкирского аула. Ассоциацию с аулом усиливают возвышающиеся над крышей угловые башенки, которые напоминают легкие летние юрты.

До нас Караван-Сарай дошел с рядом изменений. Так, хозяйственный пристрой потерял свои первоначально четкие формы из-за добавления разновысоких построек, минарет соединен с мечетью чуждым ансамблем переходом.

Кроме таких выдающихся в отношении архитектуры зданий, строились и скромные, имевшие чисто практичес-

кое значение, например, казенное лесопильное и мукомольное заведение, большая оборонительная казарма вместо куртины между Успенским бастионом и Преображенским полубастионом, и другие. Кое-что осталось лишь в проектах. Не лишена интереса история так и не построенного постоянного моста через Урал. Необходимость его была очевидна, сообщение с Бухарской стороной, как почти сто лет до этого, осуществлялось посредством «моста на судах» – летом, и паромной переправы – осенью и весной, зимой же, разумеется, по льду. Нормальное сообщение, таким образом, нарушалось не только весной, но и осенью во время ледостава. Поэтому весной 1838 года В.А. Перовский специально для строительства водопровода и моста (каменного или деревянного на каменных опорах) просил департамент путей сообщения прислать знающего инженера, сообщая, что в «Оренбургской губернии ныне находится один только офицер Корпуса путей сообщения – поручик Сергеев, занятый безотлучно на вновь прокладываемом промышленном пути».

Просьбу удовлетворили, и в августе того же года в Оренбург прибыл полковник Зеге фон Лауренберг, до этого строивший мост между Ригой и Митавой². 19 ноября он уже рапортует о представлении проектов и смет. Мост проектировался «о семи арках шириною по 8 сажен 5 футов каждая», а по обоим берегам должны были устраиваться земляные насыпи с мостами и трубами для протока весенних вод. Место для моста выбрали чуть пониже, чем стоит нынешний автогужево́й. Документы послали в Комиссию проектов и смет, которая в своем заключении от 28 января 1839 года указала, что необходимо еще тщательно изучить течение реки, его скорость, особенно в половодье и т. д. Работы на строительстве моста были однако начаты задолго до получения ответа комиссии. За 37 рабочих дней, начиная с 14 декабря 1838 и по 12 февраля 1839,

²ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11373.

сделали довольно много той работы, которую можно, и даже лучше, производить зимой, – забивали трехсаженные сваи, которые должны были служить опорой для быков. Забивались они почти на всю длину плотными группами рядом друг с другом. За это время вбили 194 сваи, 160 заострили и насадили железные колпаки. Основной рабочей силой были арестанты. В этот период, например, у копров на забивке свай их работало немногим более 70-ти человек, а при них 16 конвойных под командой двух-трех унтер-офицеров. Из вольных людей ежедневно – 4 или 5 плотников, которым платили по тем временам довольно много по «частной цене»: в день по полтора рубля. Остальным платили гораздо меньше, все они были ведь на казенном довольствии: арестант получал в день по 10, конвойный – по 5, а унтер-офицер – по 20 копеек.

Наблюдения за льдом и течением производились в 1839 и 1840 годах, но ничего нового не дали, весенняя вода не доходила до нужной отметки. Комиссия даже выражала сомнения в правильности измерений. Поэтому изучения водного режима были продолжены. Потом, в декабре 1841 года, «по причине удачного опыта, произведенного в России сего лета над Американскими мостами», комиссия рекомендовала построить другой, «решетчатый мост с пролетом в 25 или 30 сажен отверстие». Лауренберг предложил строить мост новой конструкции прямо напротив главной улицы; рассматривались чертежи построенных мостов. Но военным губернатором был уже Обручев, и все практические работы остановились на много лет, хотя рассуждения о мосте и о том, кому надлежит его строить, не прекращались. В начале XX века в меженную воду свайные группы были отлично видны, различались они еще и в 1970-е годы.